

ШАЛЯПИН В ГОСТЯХ У БУДЕННОГО

МАЛОИЗВЕСТНЫЙ ЭПИЗОД ИЗ ЖИЗНИ ВЕЛИКОГО АРТИСТА

5 мая 1920 года газета «Воронежская коммуна» опубликовала статью «Вечер у Буденного», принадлежащую перу журналиста Л. Сосновского. В ней рассказывалось о встрече прославленного командарма Первой Конной и члена Реввоенсовета армии К. Е. Ворошилова с двумя выдающимися деятелями отечественной художественной культуры: «насквозь национальным» Демьяном Бедным и его старшим другом Федором Ивановичем Шалапиным.

В общих чертах содержание и отдельные подробности встречи нам известны по воспоминаниям С. М. Буденного, написанным, правда, гораздо позже и не без некоторого учета публикации Л. Сосновского. Но, как это очень часто бывает, разные люди видят и откладывают в памяти разные детали одного и того же события. Так случилось и на этот раз. Статья Л. Сосновского содержит ряд восполняющих и малоизвестных подробностей, которые либо ускользнули от

внимания основных участников встречи, либо в ту пору не были оценены с должной глубиной. Именно такие, несомненно, достойные и многоговорящие подробности и детали были подмечены и тогда же, так сказать, по горячему следу, зафиксированы опытным пером профессионального журналиста. Публикация «Воронежской коммуны» в этом смысле представляет для нас сегодня исключительную ценность, ибо позволяет, отталкиваясь от впечатлений очевидца, дополнить некоторыми интересными штрихами портреты как двух крупнейших советских военачальников, так и великого русского певца.

Как известно, встреча состоялась в апреле 1920 года в штабном вагоне Реввоенсовета 1-й Конной. Разговор поначалу шел о боевых делах армии в Воронежско-Касторненской операции, об освобождении Воронежа, Ростова, Новочеркасска и других городов юга страны. С неподдельным вниманием, интересом и какой-

то доброй жадностью слушал Ф. И. Шалапин скупые, но яркие рассказы полководцев. Всмотриваясь в лица рассказчиков, певец все более проникался чувством огромного восхищения перед теми, кто свой ратный труд совершал с такой самоотверженностью и непоколебимостью. Не думал ли тогда Ф. И. Шалапин-артист о каких-то новых, разбуденных революцией и неведомых ему ранее чертах русского национального характера? И случилось же так, что именно в это время раздумья певца были прерваны: командарму передали сообщение о том, что белополяки отвергли наше предложение о перемирии.

С. М. Буденный, пристально поглядев на члена Реввоенсовета, покрутил свои пышные черные усы и просто заметил: «Ну, что ж, поговорим с ланам!» И это «поговорим», как засвидетельствовано Л. Сосновским, в устах командарма прозвучало очень внушительно и весомо. Весь ход последую-

щей беседы как-то сам собой переключился на предстоящую перебранку Конной на Западном фронте.

Особый интерес для нас представляет завершение вечера. Поднимается Ф. И. Шалапин, и мгновенно наступила тишина, все присутствующие словно ждали этого мгновения. И, конечно же, зазвучала песня. Все пространство штабного вагона моментально наполнил голос певца. Что было потом, мы передадим и прокомментируем, сознательно сохраняя при этом слог «Воронежской коммуны» тех давних лет.

«Когда Шалапин спел какую-то замечательную народную песню (это была «Дубинушка» — Г. Л.), Буденный решил гостеприимно ответить на это: своей музыкальной программой вечера, и в вагон был приглашен «оркестр Буденного». Это были три «красноштанника» (так их шуточно называет Ворошилов, ибо они носят красивые галифе, бойцы из армии Буденного, которым не раз приходилось инструмент музы-

кальный менять на шашку или винтовку). Все сразу же обратили внимание на слишком уж необычный набор инструментов: две гармошки и кларнет. История сохранила имя лишь одного участника этого «оркестра» — прекрасного гармониста Григория Зайцева. Имена двух других музыкантов — бойцов пока нам не известны. Но в статье Л. Сосновского мы находим еще одно подтверждение тому, что «играли они изумительно», что в Первой Конной, начиная с командования и кончая рядовыми бойцами, с музыкой и песней нередко шли в бой, крепко дружили и в часы досуга.

В числе инструментальных переложений революционных песен «оркестр» исполнил и мелодию только что разученной новой и при том «своей песни». Это был тогда еще почти никому не известный «Марш Буденного», написанный молодым работником политотдела армии Дмитрием Покрасом. У нас есть все основания пред-

полагать, что гости командарма в этот вечер и стали первыми слушателями «Марша Буденного».

Л. Сосновский фиксирует очень важное для нас наблюдение: «Я смотрел на выразительно подвижное лицо Шалапина, чье ухо не вынесло бы фальши и ходульности. Он весь движется в такт музыки. А когда один из музыкантов запел написанный к маршу красивый боевой текст, Шалапин весь насторожился и чуть заметно шевелил губами, повторяя слова марша». Столь искренний и душевно заинтересованный отклик — убедительное доказательство того, что в интонационно — образном строе марша Ф. И. Шалапин услышал не только пульс времени, овеянного романтикой героической борьбы, но и ощутил могучую силу той освежающей бури, которая вставала над Россией. Несомненно также, сильно развитое ассоциативное восприятие певца сразу же установило прямую перекличку и с тем, о чем только

что рассказывали командарм и член РВС. И наконец, нельзя не порадоваться и социально-художественной чуткости Ф. И. Шалапина: ведь то была одна из первых профессиональных советских песен, которую ожидало прочное всенародное признание.

Завершая разговор об этой апрельской встрече 1920 года, необходимо обязательно добавить, что много лет спустя, в своих последних записках, Ф. И. Шалапин с большой человеческой теплотой и внутренним удовлетворением вспоминает о ней. Тогда же он найдет добрые, от души идущие слова для выражения своей глубокой почтительной и сердечной симпатии к хозяевам вечера — С. М. Буденному и К. Е. Ворошилову.

Недавно с группой советских композиторов мне довелось побывать и возложить живые цветы на скромном парижском кладбище Батиньель. Стоя над могильной плитой, все мы испытывали чувство горечи от

нелепой несправедливости: почему здесь, во Франции, а не в России «покойтся Федор Шалапин, гениальный сын земли русской»? Тогда о статье Л. Сосновского мне ничего известно не было. И вот сегодня, познакомившись с ее содержанием, то огорчительное чувство испытываешь с новой силой. Отчетливо понимаешь, что толчок ему дают и те сведения из биографии артиста, которые, к счастью, сохранила воронежская периодика первых послеоктябрьских лет. Благодаря им мы получили возможность нанести на музыкальный портрет Ф. И. Шалапина еще несколько «небольших, но чрезвычайно существенных для характеристики его личности штрихов. Главное в этих штрихах: они вновь со всей очевидностью позволяют ощутить, что своим гражданским и артистическим существом великий певец в то трудное время искренне стремился быть со своей Родиной, со своим народом. Особенно подчеркнем: о том красноречиво говорит прямодушная и истинно провидческая эмоциональная реакция, которую обнаружил Ф. И. Шалапин, слушая один из первых образцов советского песенно-музыкального творчества.

Г. ЛАПЧИНСКИЙ.
Воронежский институт
искусств.